

СОВЕСТЬ ХУДОЖНИКА

Правильный разговор начала Надежда Григорьевна Заглада: разговор о совести. И хотя старая колхозница в своем письме вела речь только о хлебопашестве, каждому было ясно: дело не в профессии, дело совсем не в том, на каком участке нашей жизни трудится человек.

И если Надежда Григорьевна требует, чтобы для каждого колхозника высшим судьей всей его деятельности стала его собственная совесть, то может ли с другой меркой подходить к своему творчеству художник?

Вот о ней, о совести художника, мне и хочется поговорить сегодня. Именно сегодня, — в день открытия Пленума Центрального Комитета нашей партии. Именно сегодня, когда весь мир, затаив дыхание, следит за полетом отважных советских космонавтов, прокладывающих человечеству дорогу к звездам.

Валерий Быковский и Валентина Терешкова шлют из космоса горячие слова благодарности родной Коммунистической партии, советскому народу. Любовь к народу, преданность партии вдохновили их на подвиг, из этого источника черпают они свое беспримерное мужество.

Слово партии, голос партии обращены сегодня и к нам, огромному отряду советской интеллигенции, здесь, на земле, сражающемуся за торжество великих идей коммунизма.

Партия зовет нас, работников литературы и искусства, под знамена борьбы за чистоту нашего идейного оружия. Нет и не может быть в нашей среде, в рядах советской творческой интеллигенции, людей, которые не понимали бы, насколько жизненно необходимо преградить путь идейно чуждым нам веяниям в советскую литературу, в советское искусство. Но есть еще среди нас близорукие люди, не умеющие разглядеть тех лазеек и щелей, через которые эти чуждые веяния могут проникнуть в наш дом.

Художник, намалевавший что-то весьма и весьма странное, никому из окружающих непонятное, упрямо твердит: «Я так вижу».

Имеет ли художник право на свое видение? Имеет! Но это должно быть **ВИДЕНИЕ ГРАЖДАНИНА, ГОРЯЧО ЛЮБЯЩЕГО СВОЮ РОДИНУ, ЕЕ ОТДАЮЩЕГО ВСЮ ЗВОНКУЮ СИЛУ СВОЕГО ТАЛАНТА. ВИДЕНИЕ, КОТОРОЕ ОПРЕДЕЛЯЕТСЯ ГРАЖДАНСКОЙ СОВЕСТЬЮ ХУДОЖНИКА.** Так, и только так могут решаться вопросы творческой индивидуальности.

Подлинные произведения искусства создают талантливые люди. Это истина, не требующая доказательств. Но не вытекает ли из этой истины вывод: художник — человек особый, человек «высшего сорта», он выше других и, следовательно, нельзя подчинять его творчество каким-либо требованиям и законам?

Буржуазные идеологи лезут из кожи вон для того, чтобы доказать правомерность такого вывода. Еще бы! Это дает им возможность оторвать художника от народа, вырвать между ними овраг.

Но ведь ни в каких доказательствах не нуждается та истина, что художник, утративший связь со своим народом, перестает быть художником, его талант гибнет, как гибнет цветок, выдернутый из земли.

Никто не станет оспаривать: талант это индивидуальность. Но индивидуальность, а не индивидуализм. Еще мудрый педагог Макаренко предупреждал: не путайте эти понятия. Да, мы за индивидуальность. Но мы против индивидуализма, против миропонимания, которое идет от своего маленького «я».

А ведь абстракционизм в искусстве — это суть не что иное, как сознательно культивируемый биологический индивидуализм: «Я так вижу! И мне наплевать на то, что этого не видят и не понимают другие...».

Абсурд! Может ли быть безразлично художнику, что его не понимают, для кого он творит? Тогда это не художник.

Советская творческая интеллигенция никогда не будет апологетом пресловутой теории «искусства для искусства».

Искусство для народа! Для него и во имя него! Другой мы не мыслим свою творческую жизнь.

Но тут я вплотную подхожу к проблеме, в которой, как мне кажется, у нас еще порой существует какая-то путаница.

Мы знаем, что на симфонические концерты ходят, главным образом, любители и ценители симфонической музыки. На камерные концерты — любители камерной музыки. Эстрадные концерты собирают другую категорию слушателей. На выставку графики ходят любители графики и т. д.

Я думаю: если мы говорим, что ценителем искусства должен быть народ, то под словом народ мы подразумеваем ту огромную массу людей, которая тянется именно к тому жанру искусства, о котором идет речь. А не тех, кто раз в жизни случайно попал на выставку или концерт, пришел туда, чтобы повеселиться, развеять скуку.

Я уже слышу голоса тех, кто хочет меня обвинить в том, что я проповедую вредную теорию, что я утверждаю, будто искусство в целом или отдельные его виды принадлежат только каким-то маленьким группам знатоков.

Нет! Я не только не утверждаю этого, а, наоборот, категорически отрицаю. Когда-то в буржуазной Эстонии и царской России искусство действительно принадлежало «избранным». Но сегодня все выглядит совершенно по-другому. Доказательством тому может служить хотя бы жизнь нашего театра «Ванемуйне».

Если в ныне заканчивающемся сезоне такое сложное музыкальное про-

изведение, как опера Прокофьева «Обручение в монастыре», прошло у нас в театре десятки раз при абсолютно полном зале, то это достаточно убедительно показывает, как много у нас стало ценителей современной музыки. Или «Балет-симфония» Э. Тамберга? Она имела успех действительно массовый!

Да, зритель растет! Вкус его становится все более тонким, требование к искусству — все более высоким.

Но только недалекие люди могут думать, что процесс этот происходит «сам по себе», что эстетические вкусы зрителей зреют, как виноград на лозе.

Процесс эстетического воспитания — один из самых сложных процессов. Поэтому он требует особой, тщательно продуманной организации. Такими организаторами являются сами работники искусства, и в частности — театрального искусства.

Есть категория театральных работников, которая считает, что «легкими» жанрами можно подготовить зрителя к восприятию более серьезных жанров. Лично я считаю, что это глубоко неверно. Убежден, что для большинства зрителей спектакли «Свадьба Тootса» и «Сплавщики» не могут служить «переходным мостиком» к восприятию таких сложных философских постановок, как, скажем, «Человек и бог».

Нужно приучать зрителя к пониманию всего сложного в искусстве, прививать ему вкус к этому сложному. Добиться этого театр может только правильной репертуарной политикой.

Еще пять лет назад на оперных спектаклях нашего театра почти не было сельских зрителей. А сейчас из общего числа людей, посмотревших у нас «Обручение в монастыре», 30 процентов составляют труженики деревни. Цифры свидетельствуют о том, что так же было с «Русалкой» Даргомыжского и с другими спектаклями.

Правда, не буду скрывать: по воскресеньям, когда наплыв зрителей особенно велик, в театре «Ванемуйне» очень редко ставятся оперетты. Это можно, конечно, расценивать как «нажим» на зрителя. Но я твердо убежден: это не нажим, это воспитание!

Воспитательная сила искусства огромна. Доказывать эту истину, значит попросту ломиться в открытую дверь. Но мне кажется, что иногда мы больше говорим об этой силе, чем заботимся о том, чтобы до конца использовать ее. Нести искусство в массы, открыть ему широкую дорогу к сердцам и умам людей — долг художественной интеллигенции. Но помочь ей в этом должны общественные организации, печать, радио, телевидение.

Как мне кажется, такая, например, общественная организация, как комсомол республики, пока еще мало этим озабочена.

Как важно приобщать нашу молодежь к искусству! Но комсомольские организации, как правило, занимаются воспитанием молодежи на протяжении тех 6—7 часов, в которые молодежь учится и работает. А потом? Приходят, скажем, парни с работы в общежитие и... садятся забивать «козла». Отсюда прямая дорога к бутылке. Все это от безделья, от того, что время им девать некуда. А вот на то, чтобы сходить на спектакль, на выставку, на концерт — времени нет. В чем же тут дело? Помоему, только в том, что никто их на спектакль и на выставку не позвал, не научил любить искусство, наслаждаться им.

Вряд ли можно согласиться с тем, что наша молодежная газета «Ноорте Хаяль», отводя так много места физкультуре и спорту, очень мало уделяет внимания литературе и искусству.

Вспомните, каким успехом пользовался у нашей молодежи пресловутый американский фильм «Великолепная семерка». Это очень опасный фильм. Технически он сделан превосходно, главный герой играет отлично. И это определяет силу воздействия фильма на часто еще незрелые умы молодежи. А между тем, несет этот фильм чуждые нам взгляды, чуждую мораль, чуждые эстетические нормы.

Почему же в молодежных газетах не появилось статей, разоблачающих гнилую сущность фильма, статей, которые помогли бы нашей молодежи по-настоящему разобраться в том, что такое хорошо и что такое плохо?

Будем, однако, и самокритичны. Упрекая комсомольскую организацию и редакции молодежных газет в том, что они недостаточно ведут борьбу за формирование эстетических взглядов молодежи, мы, работники искусства и литературы, должны спросить себя: а сколько мы выпустили хороших приключенческих фильмов для молодежи, сколько поставили для них спектаклей, сколько написали для них книг?

У нас в Эстонии нет даже театра, в котором молодежь могла бы смотреть спектакли, живо ее волнующие, отвечающие на жизненно важные для нее вопросы.

Да, есть еще у нас в искусстве нерешенные проблемы. Не решенные, но разрешимые. Решить их — почетный долг, почетная задача каждого художника, в каком бы жанре он ни работал.

Станиславский говорил: «Любите не себя в искусстве, а искусство в себе». Мы не имеем права забывать эти слова. Быть настоящим художником — это значит прежде всего поставить искусство выше самого себя, выше своего артистического самолюбия, своего высокоуважаемого «я». Быть настоящим художником — это значит прежде всего отдать себе отчет в том, для чего и во имя чего ты творишь. Быть настоящим художником — это значит никогда не забывать о самом великом долге — долге гражданина. Совесть творческая неотделима от совести гражданской.

К. ИРД.

Главный режиссер театра «Ванемуйне», народный артист ЭССР.

Советская Эстония
г. Таллин

18 ИЮН 1963